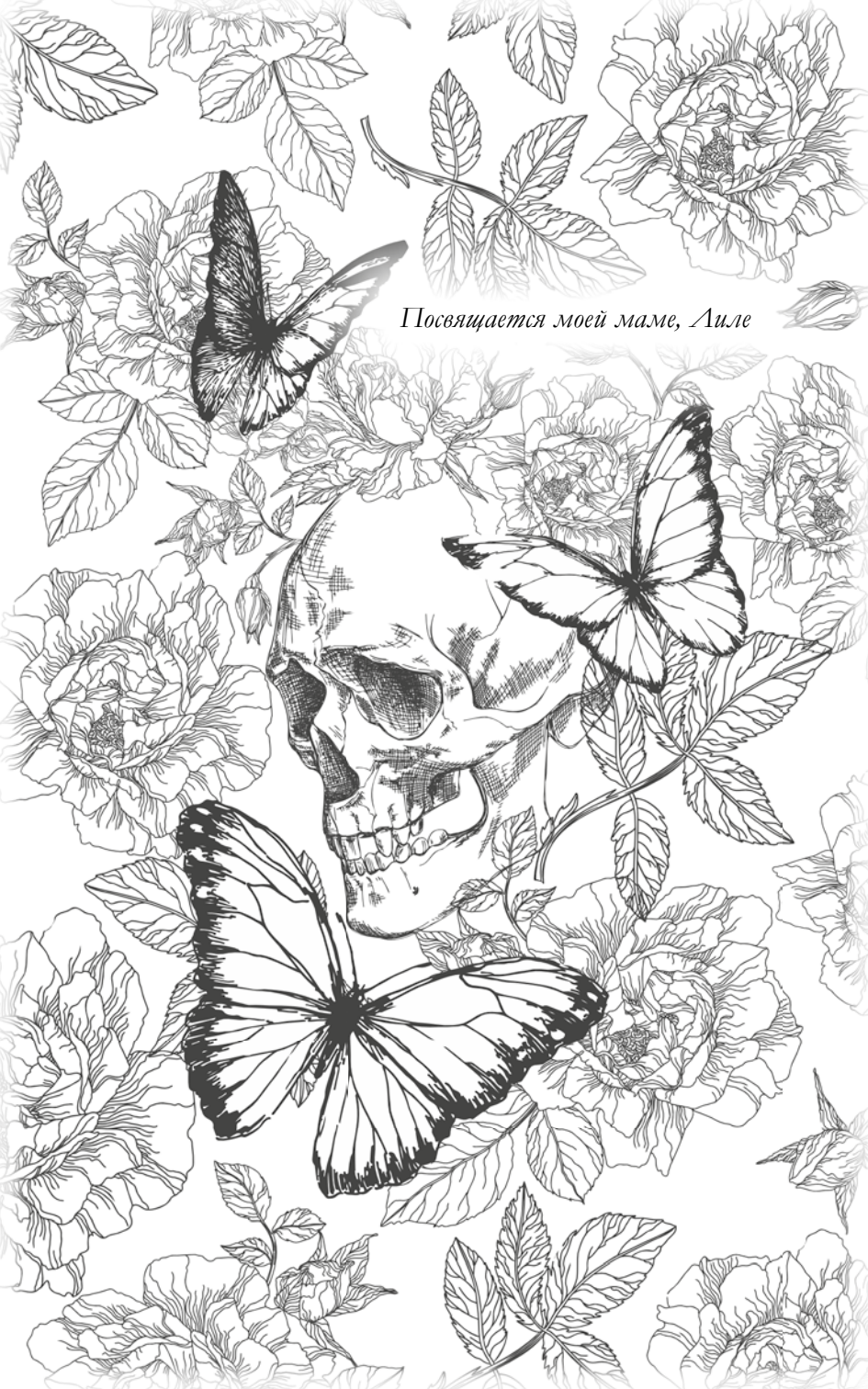
Хелена Хейл

Замри для меня

Хелена Хейл

Замри для меня

TREND BOOKS



Посвящается моей маме, Лиле

ПРОЛОГ

МАЙКЛ ВЫШЕЛ на остановке «Ок-лейк-уэй», бросил скейтборд на влажный асфальт и, запрыгнув на него, направился в сторону Юго-Восточного университета. Вокруг возвышались покрытые снегом горы, которые так восхищали туристов и которыми так гордились местные жители. Майклу же этот вид действовал на нервы — как и родители, твердившие, что в штате Аляска много перспектив. Он мечтал перебраться в оживленный, шумный, теплый Нью-Йорк с его стремительным ритмом. Университет вытянул из него все силы, но оставил крупицу надежды: в конце концов, высшее образование должно было хоть как-то помочь ему с переездом и поиском работы в сфере недвижимости. В две тысячи шестом году продавать и сдавать в Джуно было нечего.

Шерстяная, синяя в черную клетку рубашка Майкла развевалась на ветру, как и его длинные светлые волосы. Он перепрыгивал лужи, двигаясь к парковке. Воды озера Ок-лейк переливались на солнце, ослепляя Майкла, — пришлось нацепить солнцезащитные очки. Сентябрь в Джуно никог-

да не был жарким — температура не поднималась выше девяти градусов, — но если солнце светило, то безбожно и толком не грея.

— Эй, Майкл! — окликнул его Гарри — лучший друг-скейтер.

Майкл спрыгнул с доски, и они обменялись своим собственным приветствием, включавшим в себя щелчки, хлопки и столкновение животами. Машин на парковке было мало, как и всегда по понедельникам: в этот день ставили мало пар, так как некоторые студенты были просто не в состоянии дойти до учебного заведения после бурных выходных.

Гарри и Майкл подружились еще на первом курсе. Два изгоя быстро нашли общий язык, а к третьему году обучения их дружба стала еще крепче; они даже планировали вместе перебраться в Нью-Йорк.

И все же одна из машин привлекла внимание Гарри.

— Смотри, какая цыпочка! — шепнул друг, указывая татуированным пальцем на девушку за рулем синего «Опель-Корса». — Кажется, она с выпускного курса…

— Да она с тебя глаз не сводит, чувак, — кивнул Майкл, улыбаясь.

Гарри смущенно улыбнулся в ответ. Он был не робкого десятка, наоборот, флиртовать с совершенно незнакомыми девушками — в его стиле, но незнакомка была высокого ранга. Брюнетка,

глаз не рассмотреть, аккуратный носик, в меру пухлые губы, высокий бюст.

— Она не просто не сводит с тебя глаз, — вдруг заметил Майкл, — она, по-моему, и не моргает вовсе…

Тревожное чувство задребезжало под ребрами. Гарри запрыгнул на доску и подъехал к «опелю». Майкл боялся сдвинуться с места, тревога завладела всем телом, но он все же заставил себя сделать несколько шагов к машине.

— Привет, красотка! — Гарри постучал по лобовому стеклу и заглянул внутрь. — Вот черт! Майкл! Майкл, звони копам!!!

Майкл чуть не рухнул на землю, но взял себя в руки и набрал телефон экстренной службы, а затем нехотя доковылял до друга, чтобы объяснить ситуацию диспетчеру.

— Полиция штата Аляска, что у вас случилось? — ответил голос на том конце.

— Э-э… мы… здесь… девушка. Она мертва. Ее одежда в крови…

— Мертва? Вы убили ее или нашли? Она точно мертва? Где вы находитесь?

— Нет-нет, мы нашли ее на парковке Юго-Восточного университета. Она сидит за рулем автомобиля «Опель-Корса», номерной знак…

Майкл продиктовал цифры, не понимая, как он смог так четко их выговорить, когда внутри был панический апокалипсис. Раньше он видел трупы только по телевизору. Гарри расхаживал из

стороны в сторону, держась за голову, и нервировал его своим мельтешением. Закончив разговор с диспетчером, Майкл отошел от машины.

— Ну?

— Они едут. Нас попросили дождаться полицию для дачи свидетельских показаний.

— Потрясающе! Дерьмо! — Гарри пнул доску, и та, перевернувшись в воздухе, упала прямиком в лужу.

В это мгновение Майкл подумал, что еще никогда горы не казались ему такими красивыми. Он не сводил с них глаз до самого приезда полицейских.

ГЛАВА 1

— МАМОЧКА, ТЫ ТОЧНО заберешь меня после выходных?

Лилиан присела на корточки перед дочерью, поправляя ее светлые хвостики. Небесного цвета глаза смотрели на нее с недоверием. С тех пор как Норе исполнилось четыре, она стала еще любопытнее, еще проницательнее и хитрее.

К двадцати семи годам все в жизни Лили казалось ей само собой разумеющимся, и ежедневные вопросы дочери «А почему?..» приводили ее в замешательство. Как только Норе исполнилось три месяца, Лили вернулась к работе в Бюро расследований Аляски, где и работала по сей день, отказавшись даже от отгулов после смерти мужа.

Работа закалила ее. Она стала частью Лили. Да, в Джуно редко происходили убийства и еще реже объявлялись серийные убийцы, но ей нравилось чувствовать свою ответственность, нравилось помогать людям и быть тем, кто защищает. Ей нравился и восхищенный взгляд Норы, когда она надевала форму, хотя последнее случалось

редко, и то, как дочь хвастала перед другими детьми своей мамой-героиней.

А вот родители Лили ее выбор профессии не одобряли, однако, зная пылкий нрав дочери, смирились и безропотно проводили время с единственной внучкой. Рене и Джон Оклоуды жили в Джуно, в небольшом домике на Док-стрит, уже тридцать лет. Дома по соседству можно было пересчитать по пальцам. Улица покорила тогда еще юных молодоженов своей обособленностью и уединением. Джон встретил немку Рене на пароме, следующем на Аляску. Он ехал в экспедицию, она — на каникулы к бабушке. Влюбившись в заповедную природу сурового края и друг в друга, они не смогли покинуть Аляску.

Лили тоже нравилось место, где она родилась и выросла. Из окна ее бывшей комнаты, которая теперь принадлежала Норе, был виден остров Батлшип, а район, где располагался их дом, находился на берегу живописной бухты Фриц. Сам дом за тридцать лет почти не изменился: белая краска на деревянных деталях обновлялась отцом каждые три года, ярко-розовые занавески прикрывали окна первого этажа, а вдоль подъездной дорожки, аккуратно выложенной кирпичом, по-прежнему росли посаженные мамой цветы — в основном лилии.

— Конечно, детка, — ответила Лили дочери.

— Ладно. А можно будет сегодня пригласить к нам домой Диану и Хлою?

— Посмотрим, Нора. Думаю, мы сможем съездить все вместе в парк. Но вряд ли сегодня.

Зазвонил телефон. Увидев высветившийся номер, Лили отошла к рыбацкой лодке отца, лежавшей вверх дном у причала.

— Мерфи.

— Лили? Подъезжай к Юго-Восточному университету, у нас тело. — Звонил ее напарник Картер Райт. Сеть барахлила, отчего голос Райта скрежетал.

— Тело?

— Да, скорее всего, убийство.

— Скорее всего? — Лили нахмурила брови, наматывая круги вокруг лодки.

— Приезжай. Это приказ шефа. Я захватил тебе сэндвич с лососем.

Тяжело выдохнув и улыбнувшись, Лили ответила:

— Буду через полчаса.

Захлопнув телефон-раскладушку, Лили поспешила к дочери. Рене уже завела Нору в дом и усадила за кухонный стол, на котором красовались фирменный рыбный пирог и шоколадный торт.

— Ого! Сегодня какой-то праздник? — окинула взглядом кухню Лили.

— Да, приехала моя внучка, а это всегда праздник. — Рене погладила Нору по макушке.

Нора уже схватила кусок пирога и уписывала его с такой жадностью, словно Лили не кормила

ее по меньшей мере несколько суток. Рене укоризненно посмотрела на дочь.

— Что?

— Иногда мне кажется, что ты вообще не готовишь для Норы.

— Мама дает мне в садик очень вкусные бутерброды!

Лили закатила глаза.

— Ладно, мам, мне пора. Звонил Картер, у нас… новое дело.

Рене резко обернулась.

— Новое дело?! — воскликнула она, но, вспомнив о присутствии внучки, перешла на шепот: — Убийство?

— Пока неизвестно. Все, я поехала, позвоню вам вечером. Если Норе что-то понадобится, я привезу завтра. Пока, детка, постараемся встретиться с девочками, когда я разберусь с работой!

— Пока, мамочка! — Нора широко улыбнулась, и кусочек пирога выпал из ее рта.

Лили переступила порог родительского дома и сделала глубокий вдох; ветер стих, светило яркое солнце, золотистые лучи пронизывали кроны деревьев. Сев за руль «доджа», Лили сняла кожаную куртку, оставшись в белом джемпере, затем завела мотор и двинулась в сторону университета. Ей было хорошо известно это учебное заведение: оперативников не раз вызывали из-за шумных разборок нетрезвых студентов. Но еще ни разу на территории университета не находили мертвое тело.

Лили ехала и разглядывала пейзаж за окном. Она и сама не заметила, как ее захлестнули воспоминания о покойном муже. Лили пыталась отогнать грусть, оттеснить ее в самые дальние уголки подсознания. Если впереди ждало настоящее дело, ей нужна холодная голова.

Лили потребовался год, чтобы снова лечь в их супружескую постель и смириться с чередой одиноких ночей. Год, чтобы заставить себя упаковать вещи Дэниеля и отправить коробки свекру, попрощавшись с привычным запахом одеколона мужа.

Проезжая мимо часовни, стоящей на берегу озера, Лили почувствовала, как ее кожа покрывается мурашками. Пресвитерианская церковка была воплощением спокойствия и безмятежности, но Лили знала, что стоит завернуть за угол и выехать на парковку, как она столкнется с прямо противоположным — с тревогой и страхом, связанными с возможным убийством.

Ястреб спикировал на поваленное дерево справа от дороги, и Лили резко затормозила, вскрикнув от неожиданности. Пора бы уже привыкнуть к внезапным появлениям птиц и диких животных, но ее нервы были на взводе. Из церкви вышел бородатый молодой человек в странном одеянии — возможно, диакон. Вероятно, он услышал визг шин ее «доджа» и захотел убедиться, что ничего страшного не произошло. Клирик проводил машину Лили взглядом, и ей стало совсем не по

себе. Лишь яркие лучи солнца дарили хоть какую-то нотку оптимизма.

Картер о чем-то разговаривал с коронером. Лили заметила его светлую макушку, как только въехала на парковку. В последнее время они с Картером занимались бумажной работой в офисе, бóльшую часть времени пуская самолетики, играя в морской бой или в крестики-нолики. Присутствие коронера и криминалистов убедило Лили в том, что дело серьезное.

Припарковав «додж» у края обнесенного полосатой лентой участка, Лили вновь надела куртку — солнце уже скрылось за облаками — и пошла навстречу напарнику. Ее встретили знакомые горящие глаза цвета водной глади, тонкие губы, растянутые в улыбке, и неизменная, местами уже дырявая темно-серая куртка-бомбер.

— Эй, Лили! — Картер сунул ей бумажный пакет с сэндвичем. — У нас труп.

— И тебе привет. Спасибо. Что говорит Сайлас? — Лили кивнула в сторону коронера.

— Смерть наступила около девяти-десяти часов назад. Причину смерти назовет после вскрытия, но, по-моему, она очевидна: девушке перерезали горло. Однако Сайласа настораживает поза, в которой ее нашли. Пойдем, покажу!

— Личность уже установлена? — Лили старалась не отставать от размашисто шагающего Картера.

— Селеста Кларк, двадцать три года, студентка четвертого курса, судя по удостоверению, найденному в машине.

— В машине? — Лили запнулась, а затем увидела *ее*.

Селеста смотрела ей прямо в глаза. Словно видела ее душу, словно прочла там все ее страхи и теперь намекала: самое страшное еще впереди.

ГЛАВА 2

ЛИЛИ ПОПРОСИЛА ДАТЬ ей пять минут, прежде чем тело увезут в морг. Она тщательно проводила осмотр, стараясь ничего не упустить и абстрагировавшись от окружающего шума и от Картера, который бубнил над ухом.

Девушку явно переместили на водительское кресло уже мертвой: бóльшая часть крови была обнаружена на заднем сиденье и ковриках. Причем, учитывая ее позу, выглядевшую естественной, Селесту пересадили за руль за пару часов до обнаружения тела, гораздо раньше, чем наступило окоченение. Глаза намеренно оставили открытыми. Возможно, убийца хотел, чтобы жертва выглядела как живая, и справился со своей задачей: издалека Селеста такой и казалась.

Натянув перчатки, Лили покопалась в бардачке: жвачка, пара тетрадей, учебник; все это заберут криминалисты. Потом она вспомнила слова Картера: «Девушке перерезали горло». Но узкая полоса на горле больше походила на чокер, чем на порез, тем более что шея жертвы казалась идеально чистой: убийца предусмотрительно